

Сколько лет до Марса
(об одном временном указании
в «Рассказах о пилоте Пирксе» Станислава Лема
и о смыслах правдивости фантастического)

Юрий В. Доманский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, domanskii@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается содержащее упоминание времени указание на реальное историческое событие в тексте фантастического произведения – в рассказе Станислава Лема «Ананке» из цикла «Рассказы о пилоте Пирксе». На основе данного указания в статье делается попытка осмысления роли правды в фантастике, степени соотносимости «правдивого» и «фантастического» в литературе. В итоге получается, что подключение факта исторической реальности к миру «вымышленного вымысла» в научной фантастике позволяет увидеть определенные смыслы авторского высказывания, смыслы, как раз и формирующиеся в синтезе «фантастического» и «правдивого». И именно научная фантастика для такого смыслопорождения оказывается наиболее подходящим видом литературы.

Ключевые слова: художественное время, фантастика, правда, Станислав Лем

Для цитирования: Доманский Ю.В. Сколько лет до Марса (об одном временном указании в «Рассказах о пилоте Пирксе» Станислава Лема и о смыслах правдивости фантастического) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 9. С. 169–178. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-169-178

How many years to Mars (about a time reference
in Stanislaw Lem's "Tales of the pilot Pirx"
and about the meanings of the truthfulness of the fantastic)

Yurii V. Domanskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
domanskii@yandex.ru*

Abstract. The article considers the reference to a real historical event in the text of a fantastic work – Stanislaw Lem's short story "Ananke" from the series "Stories about the pilot Pirx". Based on such indication, the article attempts to

understand the role of truth in fiction, the correlation degree for the “truthful” and “fantastic” in literature. As a result, it turns out that connecting the fact of reality to the world of fictional fiction in the science fiction allows one to see certain meanings of the author’s utterance, meanings that are just formed in the synthesis of the “fantastic” and “true”. And it is the science fiction that turns out to be the most appropriate type of literature for that kind of the meaning creation.

Keywords: art time, fiction, truth, Stanislaw Lem

For citation: Domanskii, Yu.V. (2020), “How many years to Mars (about a time reference in Stanislaw Lem’s ‘Tales of the pilot Pirx’ and about the meanings of the truthfulness of the fantastic)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 169–178, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-169-178

Перелетаю пространство почты
в два месяца...
*Ф.М. Достоевский «Подросток»*¹

Цикл Лема о пилоте Пирксе (“Opowieści o pilotcie Pirxie”) в плане организации повествования строится таким образом, что ведущей точкой зрения оказывается точка зрения заглавного персонажа.

Значительная часть изображенного дается хоть и в речи повествователя, но с точки зрения главного героя – командора Пиркса, который выступает фокализатором. <...> При передаче внутренних размышлений Пиркса голос повествователя сливается с голосом героя. <...>

Расширение «ролевой границы» Пиркса показывается и с помощью специфических композиционно-речевых форм: медитаций, внутренних размышлений героя... [Козьмина 2017, с. 66, 68].

И это при том, что почти все рассказы написаны «от третьего лица», т. е. от лица неэксплицированного повествователя. И все же в цикле есть один текст, в котором Пиркс оказывается рассказчиком; этот текст и называется соответствующим образом – «Рассказ Пиркса» (“Opowiadanie Pirxa”). И начинается он с пассажа, очень напоминающего манифест – манифест читателя, любителя фантастики:

¹ *Достоевский Ф.М. Подросток: роман. М.: АСТ, 2019. 640 с. (Эксклюзив: Русская классика). С. 225.*

Фантастика? Люблю, а как же, но только плохую. То есть не то что плохую, а непохожую на правду. На корабле у меня всегда что-нибудь такое найдется – почитать в свободную минуту хотя бы из середины, а потом отложить. С хорошими книгами все по-другому – те я читаю только на Земле. Почему? Толком и сам не знаю. Не задумывался над этим. Хорошие книги всегда правдивы, даже если речь в них о том, чего не было и никогда не будет. Правдивы в другом смысле: если в них говорится, скажем, о космонавтике, то ты узнаешь эту тишину, так не похожую на земную, это спокойствие – абсолютное, неподвижное... О чем бы в них не рассказывалось, они всегда говорят об одном: *там* человек никогда не будет у себя дома².

В суждении этом обратим внимание на очень своеобразный критерий качества фантастики – ее правдивость: «Хорошие книги всегда правдивы, даже если речь в них о том, чего не было и никогда не будет». Казалось бы, словосочетание «правдивая фантастика» – оксюморон, однако, как это ни странно, критерий «правдивости» при обращении к фантастике, при оценке качества тех или иных фантастических произведений и даже при идентификации того или иного произведения как научно-фантастического оказывается довольно-таки частотным.

И исследователи научной фантастики многократно и по разным поводам обращались к проблеме правды в их объекте изучения, к проблеме включения в фантастику реальности; вот некоторые важные суждения на этот счет, показывающие возможности взаимодействия фантастического и реального в научной фантастике:

...основа научной фантастики зиждется на двух принципах этого жанра: принципе *научной правды* и принципе *художественной правды*. Научная фантастика художественно раздвигает рамки возможного мира таким образом, чтобы законы научной и художественной логики могли взаимодействовать, не нарушая разумного соотношения между жизнью и вымыслом [Шафиков 2019, с. 28–29];

...какой-либо фантастический жанр (от готического романа до научной фантастики) немислим без фантастического, и в то же время в нем всегда есть нечто «реальное», разумеется, слово это берется в кавычки [Саморукова 2009, с. 4].

...фантастическому как воздух необходима реальность, чтобы разрушить и опровергнуть ее, нужны четкие границы естественного

² Лем С. Рассказы о пилоте Пирксе. М.: АСТ, 2020. 477 [3] с. (Эксклюзивная классика). С. 258. [Переводчик К. Душенко; курсив в источнике.] Здесь и далее курсив в цитатах принадлежит авторам цитируемых работ.

и сверхъестественного для того, чтобы решительно стереть их, сплести и перемешать возможное и невозможное, заставить воспринимającego балансировать на грани веры и неверия, ощущая невозможность надежной интерпретации. <...> Если искусство чудесного (сказка, science fiction, магический реализм) основывается на неверии, а миметическое (традиционно реалистическое искусство) на вере в реальность изображаемого, то фантастическое балансирует на грани веры и неверия [Михайлов 2009, с. 39].

Как видим, в научной фантастике правда, реальность существуют на правах едва ли не обязательных элементов художественного мира. Даже сам Лем признавался, что является «писателем, который пытается сочетать огонь и воду, фантастику и реализм»³. И действительно, Лем «рассказывает о новых мирах, будущих событиях так, что не возникает никакого сомнения в подлинности их существования» [Лысова 2009, с. 182], а «литературная составляющая его творчества создает тот *реализм*, который сближает его научную фантастику с реалистической литературой» [Шафиков 2019, с. 76]. В цикле же о Пирксе,

...как при чтении произведения реалистического жанра, возникает полный эффект присутствия, который поддерживается технической дотошностью автора при описании внешних фрагментов совершенно чуждого читателю мира; так что фантастическое повествование напоминает путевой очерк журналиста, посетившего малоизвестный уголок планеты Земля [Шафиков 2019, с. 77];

тут «нет пришельцев, черных дыр и устройств, позволяющих двигаться со скоростью света, а властвует *научный реализм*, изображенный с массой профессионально значимых деталей» [Шафиков 2019, с. 78].

Таким образом, можно заключить, что для фантастики вообще и для фантастики Лема в частности (а возможно, и в особенности) характерной чертой является включение того, что исследователи зачастую (может, не очень уместно в строго терминологическом плане) называют реализмом; по большому же счету тут происходит подкрепление вымышленного вымысла (простите это словосочетание, но оно, на мой взгляд, удачно характеризует важную грань мира фантастической литературы) нарочитой правдой, сегментом реальности (современной или исторической), в результате чего формируется их синтез, становящийся основой художественного

³ Лем С. Моя жизнь // Лем С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1992. С. 8.

мира. Необходимо это в плане формирования особого ракурса восприятия фантастики как повествования правдивого, достоверного. Сие вовсе не значит, что читатель должен поверить в реальность описываемого в произведении, но читатель должен испытать эффект достоверности, а нужно это для того, чтобы мир, создаваемый в фантастическом произведении, не был миром совсем чужим, миром, оторванным от той реальности, в которой живут автор и читатель, миром, где даже самое незнакомое и чужое должно обладать какими-то узнаваемыми чертами, в частности в чем-то должно «цитировать» реальность. Мы посмотрим лишь на один небольшой элемент из «Рассказов о пилоте Пирксе» – на точное указание на время в фантастическом пространстве через упоминание конкретного исторического события, события из мира реального.

В цикле о Пирксе какие-либо точные временные координаты происходящего отсутствуют, однако в завершающем цикл рассказе «Ананке» (Ananke, 1971, перевод А. Громова) есть содержащая в себе сравнение фраза, которая может прочитываться как прямое указание на время действия. Напомним, речь в «Ананке» идет о расследовании причин крушения при посадке на Марс большого космического корабля. В этом рассказе Пиркс уже опытный пилот, сформировавшийся зрелый человек («Возраст между тридцатью и сорока, ближе к сорока...»⁴), тогда как в начальных рассказах цикла (первый из них появился в 1959 г.) главный герой еще юноша-курсант. Корабль же, пытавшийся сесть на Марс, не просто большой, он – огромный; его размер должен был гарантировать безопасность и ракеты, и ее экипажа; и для объяснения гарантии этой безопасности (очень, надо сказать, своеобразном) как раз и используется интересующее нас сравнение, вводящее в рассказ, а вместе с этим и в цикл точное указание на время действия; указание, соотносимое с реальной хронологией: «...она [ракета. – Ю. Д.] была такая громадная, что, казалось, уже сам размер, сам грандиозный размах выводит ее за пределы любых опасностей; должно быть, то же самое думали сто лет назад пассажиры “Титаника”»⁵. Но именно этому «Титанику» из космического будущего суждено было разбиться. Что ж, один из лемовских афоризмов предупреждает: «Катастрофа всегда присутствует в сфере возможного»⁶.

Наша задача – приблизиться к пониманию смысла включения в текст указания на случившееся в конкретном историческом вре-

⁴ Лем С. Рассказы о пилоте Пирксе. С. 435.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: Шафиков С.Р. Философская фантастика Станислава Лема. М.: Флинта, 2019. С. 246.

мени реальное событие, включения, дающего точные временные координаты произошедшего в фантастическом художественном мире. И это при том, что в ряде других относимых к фантастике произведений того же Лема время может подвергаться самым разным трансформациям. Вот что современный исследователь пишет о другом лемовском цикле – о «Звездных дневниках Ийона Тихого»:

Временная организация цикла обнаруживает... ориентацию на высокую степень рецептивной активности читателя. Время рассказа в приключениях Ийона подвергается различным модификациям, движется назад, зкольцовывается или даже полностью нивелируется, что сообщает времени рассказа большую значимость, так как именно в нем реализуется конфигуративная функция сюжета [Задирко 2017, с. 58].

Но иное дело – цикл о Пирксе в плане времени: через указание на гибель «Титаника» в рассказе «Ананке» не сложно посчитать, что случившаяся на Марсе катастрофа корабля «Ариэль» произошла примерно в 2012 г. Таким образом, заключаем, что, согласно художественному прогнозу Лема, Марс к этому времени должен быть вполне освоен землянами. Для 1971 г. (время написания рассказа «Ананке») в таком прогнозе нет ничего удивительного: за грядущие сорок лет, учитывая, как далеко шагнуло человечество в предшествующее десятилетие (1960-е гг.) освоения космоса, на Марсе – уж точно – «будут яблони цвести». «Мир космической навигации, описанный в цикле рассказов о пилоте Пирксе (“Навигатор Пиркс”) относится к двадцать первому веку, в котором полным ходом идет освоение Луны и начинается колонизация Марса» [Шафигов 2019, с. 78], а «Солнечная система описывается как обжитое место, используемое для научных исследований, экономической деятельности и даже туризма» [Шафигов 2019, с. 77]. Вот только Марс Лема отнюдь не так хорош, как могло представляться в мечтах первых покорителей космоса: «Марс – это и есть “чужой”, опасный мир, предназначенный автором для испытания героя, попавшего сюда из “своего”, безопасного мира» [Козьмина 2017, с. 62]; и даже более того: в «Ананке» «на Марс перенесены реалии типичных социалистических инвестиций» [Орлинский 2019, с. 29]. Таким образом, Марс в освоенной Солнечной системе, если следовать тексту Лема, выглядит своего рода маргиналией, так толком и не освоенной в силу тамошнего климата, а потому Марс является для человека местом чужим и даже враждебным.

Однако не следует забывать, что все это – фантастика; не просто художественный вымысел, а вымысел вдвойне – и художественный, и фантастический, тот самый вымышленный вымысел. Но вот к объяснению одной из реалий этого вымышленного вымысла подключается конкретный факт из подлинной истории человечества; подключается в виде тропа – сравнения. Сегмент фантастического произведения объясняется через исторический факт, что, как мы уже убедились, позволяет довольно точно обозначить время действия, а через это прийти к следующему выводу: в ближайшие сорок лет (относительно времени создания рассказа) Солнечная система будет освоена, в результате чего и Марс станет наш. Следовательно, до Марса нам осталось из нашего начала 1970-х каких-то сорок лет. Главная трудность в достижении Марса – преодолеть расстояние от Земли до Красной планеты; но уже через четыре десятилетия мы научимся тому, как осилить этот путь. Теперь понятно, что такой пространственно-временной прогноз оказался несостоятельным – к сожалению, а возможно (если обратить внимание на то, каков Марс в изображении Лема), к счастью.

Однако это не единственный вывод, который можно сделать из осмысления указания на время гибели «Титаника» относительно событий из жизни Пиркса. Например, в упоминании страшной катастрофы из реального прошлого человечества не сложно увидеть масштабы катастрофы из вымышленного будущего: гибель одного гиганта-корабля можно сравнить с гибелью другого гиганта-корабля; только один из них ходит по океану, тогда как другой бороздит просторы Вселенной. Как же в этой связи правда фантастики реализуется в рассматриваемом сравнении? И вот тут следует сказать, что ответ на вопрос «сколько лет до Марса?» не так уж и прост, как может показаться. Чисто хронологически – четыре десятилетия. И в 1971 г. казалось, что еще чуть-чуть и человек ступит на Красную планету, а следом продолжит дальше покорять Вселенную. Так и в 1912 г. казалось, что океан покорен – громада «Титаника» преодолет его, гарантируя безопасность людям, а будущему человечества – безопасность трансатлантических путешествий. Вот только последующие сто лет показали нам, что с гибели «Титаника» начиналось что-то совсем другое, отнюдь не такое светлое, как казалось, – мировые и локальные (в том числе гражданские) войны, революции, тоталитарные диктатуры, болезни, массовая гибель людей – и от себе подобных, и от внешних причин... Гибель же «Титаника» стала наглядным знаком перелома – мечты о прекрасном будущем человечества превратились в страшный век. И в «Ананке», по замечанию исследователя, главной чертой «романизации» является «изобра-

жение особого состояния мира; кризисного, на сломе двух эпох» [Козьмина 2017, с. 70]. Таким образом, получается, что сравнение «Ариэля» с «Титаником» в рассказе Лема основано не только на соотношении размеров двух кораблей и, соответственно, масштабов двух катастроф, но и на соотношении между собой эпох – эпохи освоения Мирового океана в начале XX в. и эпохи освоения космоса в начале XXI в.; обе эпохи – переломные, кризисные, т. е. катастрофы в них неизбежны. Но важны эти катастрофы не сами по себе, а в той степени, в какой они показывают сущность времени и человека в отношении к этому времени: порою настают времена, когда человеку кажется, что он может все – одолеть океан, осилить Вселенную – оказывается же, что это иллюзия, к тому же – иллюзия опасная, иллюзия, ведущая к страданиям, а в итоге – к гибели; человек, думая, что может все, высоко себя вознес, а с высоты падать очень больно. И как бы ни казался близок Марс во времени, надо помнить о предшествующих ошибках человечества, особенно тех, которые возникают по причине самонадеянности человека: человеку кажется, что он всемогущ, мир же легко ставит его на место. И тут не так важна установленная Пирксом причина крушения «Ариэля»; важнее сам факт катастрофы – очередной урок человечеству, которое думает, что освоило Марс, Вселенная же так не думает и показывает человеку, где его место. Вот только уроки такого рода проходят для человечества даром – найдя первичную причину случившегося, человек успокаивается и продолжает гнуть свою линию; Вселенная же катастрофами разного порядка и масштаба продолжает ставить человека (а вместе с ним и человечество) на место. И получается в итоге бесконечное круговое движение, выхода из которого пока не предвидится, а стало быть, и до Марса человеку еще ох как далеко.

Таким образом, получается, что в фантастическом рассказе Лема отсылка к конкретному историческому событию из реального прошлого позволила воплотить авторскую концепцию понимания человека, времени, места человека в мире. На основе этого можно сделать вывод о том, что подключение факта реальности к миру вымысла в научной фантастике (даже если это всего лишь сегмент тропа, часть сравнения) позволяет увидеть определенные смыслы авторского высказывания, смыслы, как раз и формирующиеся в синтезе «фантастического» и «правдивого». И именно научная фантастика для такого смыслопорождения оказывается наиболее подходящим видом литературы.

Литература

- Задирко 2017 – *Задирко Е.* Нарративная интрига цикла рассказов С. Лема «Звездные дневники Ийона Тихого» // Искусство и ответственность. Литературное творчество Станислава Лема: Сб. науч. статей. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2017. С. 49–59.
- Козьмина 2017 – *Козьмина Е.* На пути к роману: повесть С. Лема «Ананке» из цикла «Рассказы о пилоте Пирксе» // Искусство и ответственность. Литературное творчество Станислава Лема: Сб. науч. статей. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2017. С. 60–74.
- Лысова 2009 – *Лысова З.* Модальный анализ как метод осмысления вымышленного // Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): Сб. материалов Междунар. науч. конф. 29–31 марта 2007 г. Самара, 2009. С. 182–187.
- Михайлов 2009 – *Михайлов А.* Фантастическое как иное культуры // Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): Сб. материалов Междунар. науч. конф. 29–31 марта 2007 г. Самара, 2009. С. 32–49.
- Орлинский 2019 – *Орлинский В.* Лем. Жизнь на другой земле / [Пер. с пол. И. Шевченко]. М.: Эксмо, 2019. 480 с.
- Саморукова 2009 – *Саморукова И.* Конструирование фантастического в литературе // Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): Сб. материалов Междунар. науч. конф. 29–31 марта 2007 г. Самара, 2009. С. 3–12.
- Шафииков 2019 – *Шафииков С.Р.* Философская фантастика Станислава Лема: Монография. М.: Флинта, 2019. 288 с.

References

- Koz'mina, E. (2017), "On the way to the novel. S. Lem's story 'Ananke' from the series 'Stories about the pilot Pirx' ", *Iskusstvo i otvetstvennost'. Literaturnoe tvorchestvo Stanislava Lema, sbornik nauchnykh statei* [Art and responsibility. Stanislav Lem's literary work. A collection of scientific articles], Kabinetnyi uchenyi, Ekaterinburg, Moscow, Russia, pp. 60–74.
- Lysova, Z. (2009), "Modal analysis as a method of understanding the fictional", *Fantastika i tekhnologii (pamyati Stanislava Lema)* [Fiction and technology (to the memory of Stanislav Lem)], Proceedings of International Scientific Conference, March 29–31, 2007, Samara, Russia, pp. 182–187.
- Mikhailov, A. (2009), "Fantastic as the otherness of culture", *Fantastika i tekhnologii (pamyati Stanislava Lema)* [Fiction and technology (to the memory of Stanislav Lem)], Proceedings of International Scientific Conference, March 29–31, 2007, Samara, Russia, pp. 32–49.
- Orlinskii, V. (2019), *Lem. Zhizn' na drugoi zemle* [Lem. Life on another earth. Transl. from Polish by I. Shevchenko.], Eksmo, Moscow, Russia.

- Samorukova, I. (2009), "Construction of the fantastic in literature", *Fantastika i tekhnologii (pamyati Stanislava Lema)* [Fiction and technology (to the memory of Stanislav Lem)], Proceedings of International Scientific Conference, March 29–31, 2007, Samara, Russia, pp. 3–12.
- Shafikov, S.R. (2019), *Filosofskaya fantastika Stanislava Lema* [Stanislav Lem's philosophical fiction], Moscow, Flinta. Russia.
- Zadirko, E. (2017), Narrative intrigue of the cycle of stories by S. Lem "The Star Diaries of Iyon the Tikhii", *Iskusstvo i otvetstvennost'. Literaturnoe tvorchestvo Stanislava Lema, sbornik nauchnykh statei* [Art and responsibility. Stanislav Lem's literary work A collection of scientific articles], Kabinetnyi uchenyi, Ekaterinburg, Moscow, Russia, pp. 49–59.

Информация об авторе

Юрий В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; domanskii@yandex.ru

Information about the author

Yurii V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; domanskii@yandex.ru